

Л. Ю. ЯКОВЛЕВА

кандидат философских наук

доцент кафедры философии культуры и культурологии СПбГУП

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ТОПОЛОГИЯ МЕТАФОРИКИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

В статье предлагается интерпретация автобиографического письма при помощи философии метафоры немецкого философа Г. Блюменберга. В область автобиографического письма как проблему философии культуры и эстетики входят автобиографии, мемуары и путевые заметки. В качестве центральной для анализа метафоры избрана метафора жизненного пути, присутствующая в большинстве автобиографий. На основе метода философской герменевтики и подхода топологической рефлексии ставится вопрос об особой топологии метафоры жизненного пути, то есть об условиях возможности использования данной метафоры. С опорой на главные для Г. Блюменберга понятия абсолютной метафоры жизненного мира, времени мира предлагается концепция эстетической топологии метафоры, в основе которой заложено чувство возвышенного И. Канта. Так раскрывается особое «положение» человека, его позиция в отношении к целому своего жизненного мира, к времени и пространству. В заключении намечаются перспективы в раскрытии проблемы чуждости пространства и необходимости более обстоятельного анализа пространственных метафор в автобиографиях.

Ключевые слова: метафора, жизненный мир, жизненный путь, время мира, эстетика, топологическая рефлексия, память.

L. I. IAKOVLEVA

PhD of Philosophy, Associate Professor

St.Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

AESTHETIC TOPOLOGY OF LIFE AS A JOURNEY METAPHOR

The article interprets autobiographical writing on the basis of metaphor philosophy of modern german philosopher H. Blumenberg. Autobiographies, memoirs or travel writing can be considered as such examples of autobiographical writing. The central metaphor which should be considered is metaphor «life is a journey», which is present in almost all autobiographies. Within such methods as philosophical hermeneutics and topological reflection author of the article asks about specific topology of «the life is a journey» metaphor, about necessary conditions for using this metaphor. On the basis of Blumenberg's concepts of «absolute metaphor» and «world-time» the concept of «aesthetic» topology is proposed, which is associated with Kant's feeling of Sublime. Through this problems article investigates specific position of the man in the world, his attitude towards the lifeworld, towards his personal time and space which he describes through images of the self.

Keywords: metaphor, lifeworld, lifejourney, time of a world, aesthetics, topological reflection, memory

«Ни одна человеческая память не устроена так, чтобы помнить все подряд... Непрерывность тоже обман... Итак пусть это будет несколько вспышек памяти» [1; С. 393] – этими словами А. Ахматова предваряет свое автобиографическое письмо. В предлагаемом исследовании будет предложена интерпретация биографического письма, дискретность которого требует метафорических ресурсов языка для описание собственного жизненного пути. Вместе с тем, предлагаемая здесь постановка вопроса опирается в основном на культурно-философский дискурс, в рамках которого автобиография еще не достаточно изучена в отличие от исследований в области филологии или психологии. Мы исходим из следующего понимания автобиографии: «...автобиографический рассказ является частью и элементом самопродолжающегося проекта по оценке и пониманию себя, деятельностью, которая отчасти порождает то, что означает быть собой» [11; P.5]. Под самопродолжающимся проектом, английский философ Коули, подразумевает значимость продолжения того или иного автобиографического письма в его интерпретации со стороны читателя. В этом отношении, особого внимания заслуживает проект метафорологии и философия символического современного немецкого философа Г. Блюменберга, исследования которого помогут осуществить интерпретацию автобиографического письма и очертить круг возможных проблем, связанных с рефлексией его метафорических оснований.

В качестве центральной метафоры для герменевтического анализа автобиографии следует избрать метафорику жизненного пути, которая является не только элементом содержания, но и организующим принципом каждой автобиографии. Писать собственную биографию означает описывать пройденный путь собственной жизни, сохранять его в памяти. Жизненный путь может быть выражен как в образах путешествия, эмиграции, поездок, и опосредованно как путь экзистенциальный, который выражается скорее в смене «настроений» пространства, нежели в реальном географическом перемещении. Таким образом, вне зависимости от того имеем ли мы образы перемещений или образы внутреннего становления, автобиографию можно рассматривать с точки зрения метафорического самоописания. Так, Джеймс Олни, известный американский теоретик автобиографического нарратива, полагал, что в основе любой истории о собственной жизни лежит структура метафоры [13].

Выбор теории метафоры и области символического Г.Блюменберга обусловлен, прежде всего, тем, что немецкий философ анализирует не только семантическую специфику метафорики, но и обращается к более значимому для философской рефлексии вопросу о необходимости метафорики в отношении человека к собственному жизненному миру (Lebenswelt). Именно понятие

жизненного мира позволяет не ограничивать предмет анализа существующими рамками, которые отличают автобиографию, мемуары, путевые заметки. Для философской герменевтики все перечисленные формы будут являться письмом-воспоминанием о пройденных путях жизни, понятой в качестве жизненного мира человека.

Вторым основанием для выбора именно философии метафоры Г. Блюменберга является интерес философа не столько к поэтическим изобретениям, сколько к таким метафорам, которые являются общими для целой культуры или отдельно взятой эпохи. Так, метафорика жизненного пути является не только и не столько метафорой понятой в качестве результата авторской силы воображения, но скорее символом, уходящим корнями в глубокое прошлое мифа об «Одиссее», устремляющегося в опасное предприятие и испытующего границы возможного на своем пути. Жизненный путь рождается на пересечении памяти индивидуальной и коллективной памяти, постоянно обращенной к теме пути и путешествия, воспроизводящейся в, казалось бы, совершенно не совместимых образах французского фланера, немецкого романтика, обращающего свой взор в даль, восточного мудреца, повествующего о великом пути «тао» или же русского путешественника, ищущего себе приюта в безбрежных просторах родины.

Соответственно, в постановке проблемы взаимозависимости метафорики как особого образа жизненного мира человека мы будем исходить из вопроса от том, при каких условиях может состояться такой текст как автобиография? Откуда берет свое начало потребность человека в использовании метафоры пути? Для ответа на данный вопрос мы будем руководствоваться подходом «топологической рефлексии» [7] В. В. Савчука, на основе которой станет возможным и тематизация метафорологии Блюменберга в контексте автобиографического языка.

Топологическая рефлексия предполагает, что при рассмотрении того или иного феномена мы обращаемся к его условиям, но не априорным, а отчасти эмпирическим, но тем не менее необходимым. Так, мы полагаем, что использовать метафору пути и реализовывать ее в автобиографии означает исходить из особенностей собственного экзистенциального «положения». Данное положение может быть следствием политических репрессий, особого состояния культуры или следствием особого чувства жизненного времени, которое клонится к закату и требует сохранения в следах памяти. Все эти факторы относятся к топологии письма. Тем не менее, в основе всех перечисленных случаев заложена единая топология или логика топосов. Под топологией автобиографии мы понимаем особый распорядок сил и мест, который закреплен за субъектом, использующим метафору. Подобный распорядок мест, пространственных значений может обозначен в качестве «эстетической топологии». Подобная «эстетическая топология» может быть выявлена в понимании мета-

форы Г.Блюменберга, но ее более ранняя версия, как нам представляется, может быть раскрыта в эстетике возвышенного И.Канта. Несмотря на то, что Блюменберг не часто ссылается на эстетику Канта, возможно, она оказала достаточно значимое влияние на его понимание метафоры и ее роли для человека.

Метафорология Г. Блюменберга и даже в большей степени его поздние исследования, посвященные более широкому кругу «непонятных» сфер философии непосредственно связана с вопросом о роли символического в сохранении того, что было названо Э. Гуссерлем «*Lebenswelt*». В книге «время жизни и время мира» Блюменберг предлагает критическое рассмотрение проблематики жизненного мира, который, как полагает немецкий философ, предстает для человека только в своей разрушенной форме. «Жизненный мир невозможно познать наглядным образом; его можно достичь, только абстрагируясь, через идеализацию... Теория жизненного мира, таким образом, является противоположностью жизненного мира и ее основанием, отсутствие которого и составляет жизненный мир, является разрушение самопонятности» [12; С.111]. Как полагает Г. Блюменберг, в основе гуссерлевского понимания жизненного мира заложена черта «самопонятности», нерелефлируемой достоверности этого мира. Однако, утверждает Блюменберг, мы не можем найти ни одного такого отрезка времени, где жизнь человека имела бы подобную черту. Достоверность жизненного мира, естественная установка может стать данностью только тогда, когда в нем онтологически нет места «отсутствию», то есть лакун, разрывов в восприятии, но даже акт воспоминания содержит в себе момент отсутствия, который приводит к ошибкам в воспоминаниях, к «...разочарованию в смыслоожиданиях» [12; С. 112]. Здесь стоит вновь напомнить о приведенной в начале мысли А. Ахматовой о непрерывности как лжи, о постоянных разрывах в автобиографическом письме, которое можно называть только вспышками памяти.

Опыт забвения коррелирует с опытом отсутствия как такового, приводящим к упомянутому чувству разочарования или «крушения». Для Блюменберга человек всегда уж покинул топос постоянного присутствия и вынужден обходиться с «вариациями» отсутствия будь то забвение, утрата, непонимание или жизнь на переломе эпох, в моменты кризиса и утраты пути при помощи символических средств. Фундаментальным несоответствием полюса желаний, ожиданий и полюса действительности является для Г. Блюменберга опыт различия времени, а именно: из опыта различия времени жизни и времени мира. Именно данное различие заставляет человека искать «обходные пути», образы, символы, рассказывать мифы, порождать «абсолютные метафоры», которые создавали бы особые интенсивные «пространства», своего рода временные остановки. Необходимость данных «остановок» и емких образов обусловлена тем, что время мира воспринимается как особая индифферентная по

отношению к отдельной личности сфера, безразличная к его ожиданиям и смыслополаганиям. Время мира представляет собой воплощение, условно говоря, форму максимально отчужденного времени, которое содержит в себе такое измерение, которое никогда не станет временем человеческим. «Весь опыт истории, - утверждает Блюменберг, - осуществляется во все более увеличивающемся разрыве времени жизни и времени мира» [8; С. 76]. Соответственно, функция метафоры заключается в «дистанцирования» при помощи образа от негативности различия, разрыва времен, проживаемого как чувство конечности экзистенции.

Наиболее емкое описание того, каким образом в нашем опыте времени можно выявить индифферентную силу времени мира, можно обнаружить в тексте П. Рикера «Время и рассказ». П. Рикер обращается к многообразию опыта вымышленного времени в различных литературных произведениях. В одном из таких текстов – в романе «Миссис Дэллоуэй» Вирджинии Вульф Рикер выявляет существование «монументального времени», конденсированного в образах хронологического времени, то есть ударе часов Биг Бэна: С этим монументальным временем связаны образы Власти и Силы, которые образуют полюс, противоположный живому времени, прожитому Клариссой и Септимусом, - тому времени, которое силой жестокости приведет последнего к самоубийству и силой гордости толкнет первую на противостояние» [6; С. 113]. Хронологическое время часов или связанное с ним институциональное, социальное время, время большой истории в форме «мраморного декора имперской столицы» [6; С.113]. Соответственно, П. Рикер выявляет различные оттенки отношения героев к времени безличному, к времени вне временности и конечности человеческой экзистенции.

Выявленное Г. Блюменбергом и П. Рикером различие внутри опыта переживания времени отражается в автобиографии зачастую как различие времени истории и личным временем пишущего. Подобное различие близко тому различию, которое проводит французский историк П. Нора, раскрывающий противоположность памяти личной и истории: «Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет... история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте» [5; С.19]. То, каким образом это противостояние истории совершается, можно обнаружить практически в любом автобиографическом очерке, в котором выстраивается параллель между событиями объективными, относящимися к большой, «монументальной» истории, вошедшей в монографии и учебные пособия и событиями личного характера, которые противопоставляются последней. Так, если мы приведем в пример воспоминания советско-российского писателя, искусствоведа М. Германа о своем в детстве, то мы незамедлительно обнаружим запечатленное в памяти автобиографии различие: «Все происходящее за пределами семей-

ной жизни, в детстве фиксируется плохо. Испанские события для меня – нечто далекое и героическое, еще менее реальное, чем «Челюскин» или папанинцы...» [3; С.62]; или на другом конце жизненного пути М. Герман отмечает: «...эти мои поездки (одна из первых пришлось на отставку Ельцина) естественно и тревожно совпали с «неслыханными переменами» [3; С. 654]. Так, направление личной истории может находиться не только в противостоянии, но и в резонансе с большой историей.

Для проблематизации противостояния истории как времени мира личной истории жизненного пути как времени жизни, мы не обнаружим в работах Г. Блюменберга и П. Рикера строгую концепцию и описание структуры времени жизни. Напротив, как Блюменберг, так и Рикер с разных точек зрения выявляют разнообразие отношений человека к «разлому» времен, к чужости времени мира. Поэтому Блюменберг предпочитает говорить о метафорах как о таких способах символического отношения, попытке «обойтись» с неподдающейся окончательной экспликации области чуждого времени. Если рассматривать лишь исследования метафорологии, то указанная нами связь между производством символического и чувством времени не является центральной темой по истории метафор. Тем не менее, в более поздних работах Блюменберг в большей степени обращается к антропологическому измерению символического и указывает на непосредственную связь между организацией нашего жизненного мира и метафорическим способом выражения в той или иной культуре. Так, емкий метафорический образ истины в метафорике силы истины, описание французской революции через метафорику кораблекрушения, описание мира как книги – все эти примеры свидетельствуют не только о риторическом излишестве речи, но и о неустрашимой потребности человека давать емкие образы тому, что внедряется в жизненный мир и полагает ему границы. Как сфера истины, так и революционные изменения, неохватная целостность мира, чуждость ландшафта – все эти области входят в область близкого и обжитого пространства, полагая границы ситуативной освоенности и требуя отношения «дистанции», откладывания при помощи символических ресурсов. Подобные сферы сходны в одном общем для них свойстве – в невозможности дать для них адекватное, законченное непосредственное описание или определение. В этом отношении, и на это постоянно указывает Г. Блюменберг, мы должны мыслить наш жизненный мир как пронизанный подобными топосами неопределенности, которые разрушают его изначальную самоочевидность. Данные сферы настолько неустрашимы из нашего мира, что мы даже не можем найти такой момент в истории, когда жизненный мир был бы лишен нарушений. Человек как «animal symbolicum» имеет отношение к постоянному распаду порядка, к различию сил, к различию мест близких и мест чуждых. Подобные различия могут входить в культуру в форме метафор, которые при помощи образов, относящихся к «масштабу»

наших чувств могут обходным путем дать имя безымянному. Подобный непрямой путь имеет вектор направленности в сторону утопии порядка жизненного мира, но никогда не достигает его.

Ситуация метафоры как средства по созданию конкретного локуса для неопределенностей близка ситуации эстетического чувства возвышенного И. Канта. Метафорология черпает свою логику, описанную в «Критике способности суждения», в которой для описания чувства возвышенного Кант описывает различие сил – сил природы и сил душевных, которые имеют «в себе совершенно новую способность к сопротивлению, которая порождает в нас мужество померяться силами с кажущимся всевластием природы» [4; С.131]. Вместе с тем, по отношению к таким угрожающим сферам работает правило: «...чем страшнее их вид, тем более он притягивает нас, если только мы в безопасности...» [4; С. 131]. Чувство возвышенного в таком случае зависит от особого «положения», от возможности находиться в безопасном локусе, откуда и становится возможным чувство возвышенного. Так, мы можем говорить об особой «эстетической топологии», об особой логике пространственных значений, которые приписываются тому, кто созерцает нечто великое, превосходящее масштаб чувств, и тому локусу «необъятного», находящегося за границами устойчивости. Соответственно, метафора – это такое «место» безопасности, доставляющей нам удовольствие и в котором мы, с одной стороны, получаем доступ к чему-то чуждому и с другой стороны, превосходим это поле чуждости, дистанцируясь от него. Поскольку метафора предполагает относительно устойчивый горизонт жизненного мира, то речь идет не о «...потребностях голой жизни и выживания, можно с таким же успехом сказать, что человек упражняется в своей способности пересечения горизонта как в простой игре... своей свободы» [10; Р.110]. То же читаем и у И. Канта: «...Благорасположение связано здесь лишь с обнаруживающимся назначением нашей духовной способности, зачатки которой имеются в нашей природе; развитие же и упражнение представляется нам и есть наша обязанность. В этом и заключается истина, как бы человек, доводя до этого свою рефлексию, ни осознавал свою действительную беспомощность в настоящем» [4; С. 132]. В отличие от метафоры, как показал Г. Блюменберг в «Работе над мифом» и в «Парадигмах к метафорологии», такое символическое образование как миф возникает скорее как непосредственная реакция на угрозу, исходящую извне, на угрозу, которая может уничтожить устойчивость жизненного мира, положить ей конец как в смысле времени, так и пространства. Метафора же является скорее формой памяти о подобных пограничных ситуациях, своего рода «ритуалом» по созданию образов, удерживающих дистанцию между областью близкого, освоенного и областью невыразимого, далекого. Поэтому здесь идет речь именно об эстетической топологии или эстетической дистанции по отношению к чуждости. Поэтому при анализе автобиографического

письма в контексте метафоричности пути следует с определенной долей осторожности затрагивать проблему травмы, катастрофы, тотального разрушения жизненного мира, который предполагает разрушение не только символического горизонта, но и материальных условия существования. Автобиографическое письмо, которое обращено к проблеме памяти тотального разрушения близкого, возможно, использует несколько иные ресурсы речи, чем метафоричности жизненного мира.

В завершение проблематизации оппозиций времени, истории и памяти в жизненном мире человека, нам бы хотелось указать на необходимость в дальнейшем внесения второго, не менее важного фактора в анализе и проблематизации автобиографического письма, а именно: пространства автобиографии. Принимая во внимание тенденции современных гуманитарных исследований, ориентированных на «топологическую рефлексивность», на вопрос о ситуации, в которой раскрывается предмет исследований, в той же мере представляется продуктивной и интерпретация пространства автобиографии.

Метафоричность жизненного пути относится к пласту именно тех метафор, которые интересовали Г.Блюменберга, а именно к области абсолютных метафор. Подобные метафоры являются следами отношения человека к тотальности, к неподдающейся четкому определению и анализу сфере чуждости. В этом отношении жизнь как целое распадается на множественность гетерогенных фрагментов, постоянно ускользающих от единого нарратива, но получающих собственное единство в пространственном образе пути. Жизненный мир, таким образом, рассматривается не только в контексте проблемы времени монументального и времени личного, но и в ракурсе топологии, описываемой в автобиографии или путевых заметках. Описание проходимого в течение жизни пути предполагает, что опыт восприятия пространства не менее значим, чем отношение к времени. Поэтому следовало бы говорить о «хронотопологии» письма, если исходить из изначального единства пространственно-временного измерения жизни человека, отраженного в понятии «хронотоп» М. Бахтина. Как и время, пространство может быть близким, может быть обжито человеком, но в то же время содержать в себе лакуны, пустую топологию, которая становится явной в путешествиях или в других ситуациях трансформации пространства. Изменчивость пространства, его динамика может быть вызвана различными причинами и стать темой автобиографии: от вынужденной эмиграции до поиска новых мест. При этом, если в первом случае изменение пространства может стать травмой, заставляющей замолчать пишущего на долгие годы, то последнее, напротив, исходит зачастую из собственного желания, поиска границ близкого, их пересечения. Так в мемуарах М. Германа мы читаем о его поисках экзистенциального места, успокоения в поездах, которые писатель по России и в Европу в конце 80-ых: «маятник пространства, времени, политических катаклизмов метался как

на картинах Шагала...» [3; С. 654]. А. Генис совершает также множество путешествий как поиска свободных мест, простора, который постоянно встречается на страницах произведения «Странник. Путевая проза» [2].

Таким образом, мы выделили особую топологию, которая обуславливает необходимость метафорического самоописания. Подобное самоописание может быть обнаружено в многочисленных пространственно-временных образах жизни, получающей свое выражение в метафорике жизненного пути. Метафора жизненного пути выступает абсолютной метафорой, которая устанавливает дистанцию по отношению к чуждому времени и к чуждым локусам, которые входят в образы, используемые автобиографическим письмом. Дистанция, которую осуществляет метафора была описана в эстетике возвышенного И. Канта, поэтому описанная нами топология получила наименование эстетической топологии метафоры. Дальнейшее развитие темы предполагает сравнение различных форм автобиографического письма, раскрытие чуждости времени и пространства в конкретных метафорических образах, более обстоятельный анализ проблемы времени мира и чуждости пространства в рамках феноменологии

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. А. Pro domo mea. Автобиографическая проза// Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Артикус, 2012. 624 с.
2. Генис А. Странник. Путевая проза. М.: Новое литературное обозрение, 2011, 144 с.
3. Герман М. Ю. Сложное прошлое: (Passe compose). СПб.: Искусство-СПб, 2000
4. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
5. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуоимеж, М. Винок, СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17-50.
6. Рикер П. Конфигурация в вымышленном рассказе//Время и рассказ: в 2 т. - М.:СПб.: Университетская книга, 2000. Т. 2. 224 с.
7. Савчук В. В. Топологическая рефлексия. СПб.: Канон +, Реабилитация, 2012.
8. Blumenberg H. Die Lebenszeit und Weltzeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001
9. Blumenberg H. Paradigmen zu einer Metaphorologie. Suhrkamp: Frankfurt am Main, 1998.
10. Blumenberg H. Theorie der Unbegrifflichkeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2007. 121 s.
11. Cowley C. The philosophy of autobiography. Chicago: The University Chicago Press, 2015. 272 p.
12. Heidenreich F. Mensch und Moderne. München: Wilhelm Fink Verlag, 2005. 247 s.
13. Olney J. Metaphors of Self: The Meaning of Autobiography. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 1972.

TRANSLIT

1. Akhmatova A. A. Pro domo mea. Avtobiograficheskaya proza// Maloye sobraniye sochineniy. SPb.: Azbuka, Azbuka-Artikus, 2012. 624 s.
2. Genis A. Strannik. Putevaya proza. M.: Novoye literatumoye obozreniye, 2011, 144 s.
3. German M. YU. Slozhnoye proshedsheye: (Passe compose). SPb.: Iskusstvo-SPb, 2000
4. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya. M.: Iskusstvo, 1994. 367 s.

-
5. Nora P. Frantsiya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, ZH. de Pyuimezh, M. Vinok, SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. S. 17-50.
  6. Riker P. Konfiguratsiya v vymyshlennom rasskaze/Vremya i rasskaz: v 2 t. - M.:SPb.: Universitetskaya kniga, 2000. T. 2. 224 s.
  7. Savchuk V. V. Topologicheskaya refleksiya. SPb.: Kanon +, Reabilitatsiya, 2012.
  8. Blumenberg H. Die Lebenszeit und Weltzeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001
  9. Blumenberg H. Paradigmen zu einer Metaphorologie. Suhrkamp: Frankfurt am Main, 1998.
  10. Blumenberg H. Theorie der Unbegrifflichkeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2007. 121 s.
  11. Cowley C. The philosophy of autobiography. Chicago: The University Chicago Press, 2015. 272 p.
  12. Heidenreich F. Mensch und Moderne. München: Wilhelm Fink Verlag, 2005. 247 s.
  13. Olney J. Metaphors of Self: The Meaning of Autobiography. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 1972.